

*доктор филологических наук,
профессор
общеуниверситетской кафедры
мировой литературы и
культуры имени проф.
О. Мишукова Херсонского
государственного
университета*

ДУХОВНЫЕ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ В МАЛОЙ ПРОЗЕ

В.Г. КОРОЛЕНКО

Современники, а затем и потомки, отвели В.Г. Короленко особую роль в русской литературе – ее совести и праведника, вечного искателя Истины, возвышающегося над распрями любого толка во имя соборности и человеколюбия. Согласимся с авторитетным исследователем, что "Короленко дорог главным образом потому, что в его произведениях отражается глубоко отзывчивое сердце, мимо которого не могла пройти ни одна общественная неправда. Он по самому существу своей натуры – заступник и защитник; он никогда не оставался равнодушен и за многих обиженных поднимал свой мягкий и властный голос" [1, с. 12]. Истоки этой "неутомимой человечности", которая в равной степени определяла как его нравственный облик, так и творчество, в детстве, проведенном в Волынской губернии – пестром и разноплеменном крае; в семье с устойчивыми культурно-религиозными традициями: в ней уживалось, пусть и не всегда безоблачно, три языка и две веры – православная и католическая. Здесь сформировалась, как напишет В.Г. Короленко в "Истории моего современника", "спокойная вера отца", от которой он дал обет "никогда не отступать" [7, с. 300], исполненный автором во всей его полноте. После трагических потрясений и утрат XX века, поставившего перед человечеством вопрос: как можно писать стихи, сочинять музыку, то есть заниматься творчеством после Освенцима и Холокоста, духовный лик В.Г. Короленко, составляющий единое целое с его лучшими творениями, становится особенно востребованным современностью, поскольку вселяет веру и надежду в человеческое сердце и разум.

Несмотря на более чем вековую историю изучения жизни и творчества В.Г. Короленко, он до сих пор остается одним из "непрочитанных" среди классиков. Это касается таких проблем, как концепция личности и многообразие типов из народа, специфика неоромантизма, особенности короленковского юмора и др. К ним относятся и духовные искания автора и его героев. Так, исследования, посвященные религиозно-философским взглядам писателя, принадлежат в основном его современникам и относятся к началу – 20-м годам прошлого столетия (А. Амфитеатров (1911), Ю.Н. Говоруха-Отрок (1893), Д.Н. Овсяннико-Куликовский "История русской интеллигенции" (Пб, 1911), Т.А. Богданович "Биография В.Г. Короленко" (1922)). Хотя, следует отметить, первые шаги в этом направлении уже сделаны в академическом двухтомнике ИМЛИ РАН [10]. Вероятно, именно сейчас наступает то время, когда творчество В.Г. Короленко может быть осмысленно в его многообразии и глубине без идеологических упрощений и купюр, что вполне справедливо и в отношении заявленной нами проблемы.

Духовные поиски В.Г. Короленко отражены в его художественном творчестве ("История моего современника", "В ночь под светлый праздник", "Старый звонарь", "Сон Макара (Святочный рассказ)", "За иконой", "Птицы небесные", "На затмении", "Сказании о Флоре, Агриппе и Менахеме, сыне Иегуды", "Река играет" и др.), мемуаристике и критических статьях ("Две картины. Размышления литератора", "Великий пилигрим (Три встречи с Л.Н. Толстым", "Разговор с Толстым", "Лев Николаевич Толстой" и др.), в

публицистике, дневниках и письмах. Как это характерно для многих в культурно-историческую эпоху "переоценки ценностей", религиозно-философские искания В.Г. Короленко не отличаются строго конфессиональной определенностью и воцерковленностью, однако они и не сводятся к этическому универсализму. "Слова прощения и любви" как голос Бога являются доминантой его религиозного сознания, восходящего к характерному для национальной духовной традиции христоцентризму. Иисус Христос "и все его учение", – подчеркивает В.Г. Короленко – "это примирение для целых веков мучительных противоречий" [9, с. 304]. Так, евангельская истина, утверждающая, что Бог есть любовь, к которой приходит в результате стихийного богоискательства Федор Силин (рассказ "Убивец"), сближает мировосприятие темного малограмотного человека с верой образованной дворянки. Интеллигентка, едущая с тремя маленькими детьми к ссыльному мужу и спасенная Федором от верной гибели, помогает ему окончательно освободиться из духовного порабощения сектантом- "покаянником", обрести живую веру в противовес мертвечине законничества и показного благочестия.

Мысль о единении людей на основе Божьей любви и человеколюбия, несмотря на разделяющие их сословные предрассудки, доминирует в творчестве В.Г. Короленко. Писатель мечтает о том времени, когда "рассеются призраки, недоверие, вражда и взаимные недоразумения" между теми, кто изучает небо и теми, "кто в исследовании видит оскорбление грозного Бога" ("На затмении"). Уверенность В.Г. Короленко в религиозной природе нравственности определяет духовный смысл его произведений и тогда, когда религиозная тематика не является непосредственным предметом изображения ("В дурном обществе", "Слепой музыкант").

По справедливому наблюдению исследователей, "привычка видеть в каждом произведении Короленко "ропот на жизнь" отличала российскую цензуру, а потом эту традицию, но уже с положительным оценочным знаком, подхватило советизированное литературоведение" [10, с. 494]. Как представляется, в этом одна из причин, по которой наиболее известный рассказ В.Г. Короленко "Сон Макара" традиционно рассматривается как пример социального обличения и остается без внимания подзаголовков, указывающий на его жанр – святочный рассказ. Напомним, большинство произведений этого жанра, их также называют рождественскими рассказами, разделяются на два основных типа: 1) сентиментально-нравоучительные, в центре которых – события как общественной, так и частной жизни, прямо или опосредованно связанные с рождением чудного Младенца; 2) рождественский рассказ с преобладанием фантастического начала, порожденного святками, их праздничной обрядовостью [2, с. 286]. Среди писателей, обратившихся в конце XIX века к жанру календарной прозы (святочной и пасхальной) авторы безусловно первого ряда: это А. Чехов ("На святках", "Ванька"), А. Куприн ("Тапер", "Жизнь", "Путаница"), М. Горький ("Извозчик", "В сочельник"). Календарная проза В.Г. Короленко (назовем и его пасхальные рассказы: "В ночь под светлый праздник", "Старый звонарь") вносит свой вклад в эту литературную традицию.

В святочном рассказе "Сон Макара" В.Г. Короленко сохраняется традиционный жанровый канон: время – канун Рождества, главный персонаж – замерзающий человек (неслучайно пародия на рождественский рассказ у М. Горького так и называется "О девочке и мальчике, которые не замерзли"), обязательный фантастический элемент (в рассказе это визионерская картина потустороннего мира, встреча со Святой Троицей: Богом-Отцом ("большим Тойоном"), Богом-Сыном и Святым духом); финал, возможный только в святочном рассказе: трагизм смерти снимается счастливой развязкой – прощением всех Макаровых грехов. И тем не менее автор смело нарушает условности жанра святочного рассказа (в еще большей степени это относится и к другому святочному рассказу "По пути") прежде всего введением необычного персонажа – многострадального пьяницы Макара. Как и для других героев-искателей В.Г. Короленко, ему свойственна тяга к поискам правды и истины, пусть и в состоянии некоего стихийного устремления к

ней. Его представления о должной жизни, о святости воплощены в образах-символах горы (сакрального центра, от ее вершины дорога ведет к небесам): именно об уединении на ней как главном условии его спасения мечтает Макар; благовеста, трижды (сакральное число) услышанного якутом (заметим, колокольный звон – сквозной образ в творчестве В.Г. Короленко); колокольни – в подтексте духовного ориентира Макара, к которому он так и не подошел в результате "кружения" по тайге: "чаша, словно заколдованная, держала его в своих объятиях"; в антитезе тьма – свет, причем свет маркирован такими сакральными образами, как золото, сияние, чудная песня, которую Макар вроде бы и раньше слышал, но не смог "услышать", то есть почувствовать и осознать ее чарующую красоту в силу бедности духа.

Автор показывает "возрастание" Макара на пути к Богу: от весьма ограниченных житейских представлений (пьяница, жадный, нечист на руку и т.д.) и скудного религиозного опыта (приземленно-житейски воспринимает Святую Троицу, не узнает ангелов, под деревянной чашей весов, на которой будут взвешены его грехи, не видит адской бездны), он поднимается к духовному прозрению. Благодаря заступничеству Христа, в разговоре с Богом человек обретает "дар слова", силу разума, у него пробуждается совесть (срв. у Н. Бердяева: "Совесть есть глубина личности, где человек соприкасается с Богом").

Как представляется, диалог Макара с Тойоном аллюзивно восходит к разговору Бога с библейским праведником Иовом. Правда, сам якут признает, что он далеко не святой и испытывает угрызения совести от своей греховности, но когда Бог-Отец начинает рассказывать о совершенстве своих праведников (в Книге Иова о величии своего творения), в Макаре поднимается протест. Его страдания – и в этом он убеждает Бога – являются и последствием грехов, и их искуплением. Подчеркнем, в изображении чуда рождения человека писатель далек от какой бы то ни было сусальности, хотя "зоркий сердцем" писатель в соответствии с природой жанра и присущего ему таланта человечности дает волю очистительным слезам, омывающим благодатью души, напоминая о таких христианских ценностях, как милосердие и сострадание.

В поисках веры пребывает и другой персонаж святочного рассказа с многозначительным названием "По пути". Это один из странников духа, который, прочитав в книге мудренного для него автора слова: "Наш век страстно ищет веры", немедленно откликается: "Это верно" [8, с. 157]. Бродяга по рождению и образу жизни, Фролов неутомимо тоскует о какой-то иной, праведной идее, на которую его "бытие" не дает ответа. На первый взгляд, сложно объяснить жанровую природу этого рассказа как святочного – он совершенно "выламывается" из канона. По-видимому, жанрообразующим является чудо преображения личности, взыскующей "нового града" и "нового неба" и вопреки обстоятельствам обретающей Бога во время "скорбного пути", во что истово верит сам писатель. Как справедливо пишет исследователь, "искатель Короленко не может остановиться на пути, ... потому что он не может потерять веры". Осознание "дисгармонии жизни, нестойкости ее течения – вот первая ступень к Богу" [4, с. 5, с. 10]. Об этом говорят и другие рассказы писателя.

Так, Микеша ("Государевы ямщики") с надеждой спрашивает у образованного человека: "Другие говорят, никакого Бога нету... Скажи, может это быть". И рассказчик, во многом близкий биографическому автору, отвечает: "Не может быть, Микеша"... "Не может быть" – подхватил он убежденно – подняв глаза к небу, сияющему огнями" [6, с. 323]. Высокое чувство соборности охватывает повествователя, когда он вместе с разношерстным, "искореженным от боли и страдания" православным людом обращается к единому центру – иконе Богородицы с Младенцем. Художественно оно воплощается в особой тональности повествования, эмотивной лексике, в импрессионистическом отображении тех мгновений единения толпы и иконы Богородицы в чувстве умиления, надежды и просветленной радости ("За иконой").

Отметим, автор не идеализирует в духе народничества ни своих героев, ни их исканий, когда называет присущую им веру "ущербной и тоскующей, угасающей среди равнодушных камней" [8, с. 323]. Он с горечью пишет о том, что духовным поискам мешает разное вероисповедание, раскол, начетничество и духовная заскорузлость, "поклонение разным иконам" и святыням, разъединяющим людей (рассказы "Птицы небесные", "Река играет"). Автор отрицательно настроен и относительно "романтических мечтаний о каком-то вечно живом слове, которое кроется где-то в глубинах народной мудрости" [9, с. 147]. Более того, дисгармония, царящая в человеческом "муравейнике", нарушает атмосферу христианского праздника, когда весь Божий мир замирает в ожидании Светлого Воскресения как обетования будущего бессмертия души. Об этом один из самых трагичных рассказов В.Г. Короленко "В ночь под светлый праздник", который, как и "Старый звонарь", печатался лишь в дореволюционных сборниках.

Автор использует своеобразный прием: одинаковые, милые сердцу картины родной деревни: тихая ночь, старая церковь горит огнями, шепот сосен над ее куполом, пасхальная служба – одновременно видят два тоскующих, разных по общественному статусу человека, призванных исполнить свое предназначение. Один из них – бродяга, который, пройдя тысячи верст по тайге, чтобы в Пасху соединиться с родными, но так и не дошедший сотню верст до дому, убегает из тюрьмы, поддавшись порыву. Другой – солдат, стоящий на посту, тоже деревенский, обязанный его остановить. Трагедию, неблагополучие в ночь под светлый праздник Христова Воскресения символически предвещает диссонанс тюремного колокола с остальными, которые благовестят "победу мира, добра и братства". И теперь, в пасхальную ночь, оскверненную роковым убийством, в гармоничном переливчатом звоне колоколов "опять надтреснутый колокол тюрьмы трепещет и бьется, точно стон подстрелянной птицы" [5, с. 47]. Чуда прощения, которое может совершиться Святой ночью, не происходит.

Совсем иная тональность в рассказе Владимира Галактионовича Короленко "Старый звонарь (весенняя идиллия)". Пасхальная радость смешана здесь с той грустью, которая всегда живет в русской природе, деревне, особенно когда смотрит на все это старый, много видевший в жизни горя человек. Здесь это звонарь Михеич. Вся жизнь его связана с колоколами и звонами, при них и состарился. В последний раз в Светлой заутрене он разносил по миру благодетельную весть о воскресении Спасителя: "Казалось, старая колокольня дрожит и колеблется, и ветер, обвевающий лицо звонаря, трепещет могучими крыльями и вторит: "Христос Воскресе!" И старое сердце забыло про жизнь, полную забот и обиды". И этот колокольный звон снимает трагедию смерти, возвещая о бесконечном течении жизни и бессмертии души до тех пор, пока будет раздаваться благовест, возвещающий: "Христос воскрес из мертвых!"

Литература:

1. Айхенвальд Ю. Короленко / Ю. Айхенвальд // Силуэты русских писателей: В 2 т. Т.2. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 1998. – С. 12-19.
2. Баран Х. Дореволюционная праздничная литература и русский модернизм /Х. Баран // Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века: Сборник – М.: Издат. Группа "Прогресс" – "Универс", 1993. – С. 284-329.
3. 4. Иванов И. Поэзия и правда мировой любви / И. Иванов // СПб, 1899. – 183с.
4. Иеромонах Михаил. Короленко. – СПб: Издание общества распространения просвещения в духе Православной церкви, 1904. – 14 с.
5. Короленко В.Г. В ночь под светлый праздник / В. Короленко // Короленко В.Г. Избранные рассказы. – СПб: Изд-во "Пробуждение", 1911. – С.44-47.
6. Короленко В.Г. Государевы ящики / В. Короленко // Короленко В.Г. Собр. соч. в 8 т. Т.1. – М.: Издательство "Правда", 1953. – С. 312-343.
7. Короленко В.Г. История моего современника/ В. Короленко // Собр. соч.: В 10т. Т.5 – М., 1953-1956. – 456 с.

8. Короленко В.Г. По пути. Святочный рассказ / В.Г. Короленко // Короленко В.Г. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т.1. – М.: Издательство "Правда", 1953. – С.152-176.
9. Короленко В.Г. С Две картины. Размышления литератора / В.Г. Короленко // Короленко В.Г. Собр. соч. в 10т. Т.8. – М., 1955. – С.293-304.
10. Петрова М.Г. Владимир Короленко / М. Петрова // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Книга 1. ИМЛИ РАН. – М.: "Наследие", 2001. – С. 457-504.

Анотація

Н. ІЛЬІНСЬКА. ДУХОВНІ ТА ХУДОЖНІ ПОШУКИ У МАЛІЙ ПРОЗІ В.Г. КОРОЛЕНКО

У статті відзначено, що домінантою художньої свідомості В.Г. Короленка є христocентризм, який визначає духовний зміст його малої прози. Доведено, що духовні пошуки письменника втілено переважно у жанрах різдвяного й великоднього оповідання ("Уночі проти світлого свята", "Сон Макара (Святочне оповідання)", "Старий дзвонар" і ін.). Короленко вносить свій внесок у художню розробку жанрів календарної прози: сміливо порушує канон, уводить незвичайного героя, руйнує стереотипи й умовності у використанні біблійних алюзій.

Ключові слова: мала проза, жанровий канон, календарна проза, різдвяні оповідання, великодні оповідання, трансформація канону, біблійні алюзії.

Аннотация

Н.ИЛЬИНСКАЯ. ДУХОВНЫЕ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ В МАЛОЙ ПРОЗЕ В.Г. КОРОЛЕНКО

В статье отмечено, что доминантой художественного сознания В.Г. Короленко является христocентризм, который определяет духовный смысл его произведений. Доказано, что духовные поиски писателя воплощены преимущественно в жанрах святочного и пасхального рассказа ("В ночь под светлый праздник", "Сон Макара (Святочный рассказ)", "Старый звонарь" и др.). Короленко вносит свой вклад в художественную разработку жанров календарной прозы: смело нарушает канон, вводит необычного героя, разрушает стереотипы и условности в использовании библейских аллюзий.

Ключевые слова: малая проза, жанровый канон, календарная проза, святочные рассказы, пасхальный рассказ, трансформация канона, библейские аллюзии.

Summary

N. ILLYNSKA. SPIRITUAL AND ARTISTIC SEARCHES IN SHORT STORIES BY V.G. KOROLENKO

The article states that Christocentrism is a dominant of V.G. Korolenko's artistic consciousness and determines spiritual content of his short stories. The writer's spiritual searches are proved to be realized in the genres of Christmas and Easter stories ("V noch pod svetlyy prazdnic" ("On Easter Eve"), "Son Makara (Svyatochnyy rasskaz)" ("Makar's Dream (Christmastide story)"), "Staryy zvonar" ("The Old Bell-ringer")). Korolenko contributes greatly in artistic development of genres of calendar prose. He breaks the canon, introduces the new hero, and destroys the stereotypes and conventionalities in using Biblical allusions.

Key words: short stories, genre canon, calendar prose, Christmas stories, Easter stories, Biblical allusions.